

КНИГА О МОРКИНЦАХ

Мы и сегодня еще с трудом осознаем, что с нами происходит. Наверное, пройдет не один десяток лет, чтобы историки могли объективно оценить этот отрезок пути, пройденный страной, населяющей одну шестую часть земной суши. Мы не можем.

А вот четыре с половиной столетия назад, в 16 веке, жил во Франции великий ученый Средневековья Мишель Нострадамус, предсказавший события на земле по 3797 год. Пока они все сбываются. Он предсказал появление электричества, радио, телевидения, космонавтики. А ведь жил он в глухое время инквизиции.

Вот что написано в его книге «Центурии». «И в октябре вспыхнет великая революция, которую многие сочтут самой грозной из всех, когда-либо существовавших. Жизнь на земле перестанет развиваться свободно и погрузится в великую мглу. А весной и после нее произойдут великие перемены, падения королевства и великие землетрясения: и все это сопряжено с возникновением нового Вавилона, мерзкой проституцией, отврати-

мом, страшном, варварском и бездуховном. Это было в предсказании.

А что же на самом деле? Вот она — живая история — Мария Семеновна Семенова. И в этом человеке, как в капле воды отражается небо, отразилась вся правда жизни за 74 года Советской власти.

Родилась она четвертым ребенком в семье Яковлева Семена Яковлевича через полгода, когда к власти пришла диктатура пролетариата. После нее появились на свет еще трое. Отец по найму работал на лесоразработках. В лесу и погиб, когда Марии исполнилось девять лет.

Дальше жили они уже сами. Учились понемножку, больше работали. Не сказать, что жили в богатстве, но и милостыню не просили. Мария была самая старательная в учебе, а когда знакомый татарин сказал, что учить ее надо, тогда и подмога семье будет, и мать Фекла Емельяновна согласилась.

нована, когда рассматривался вопрос о культуре личности Сталина в сегодняшнее название.

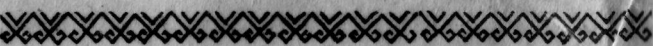
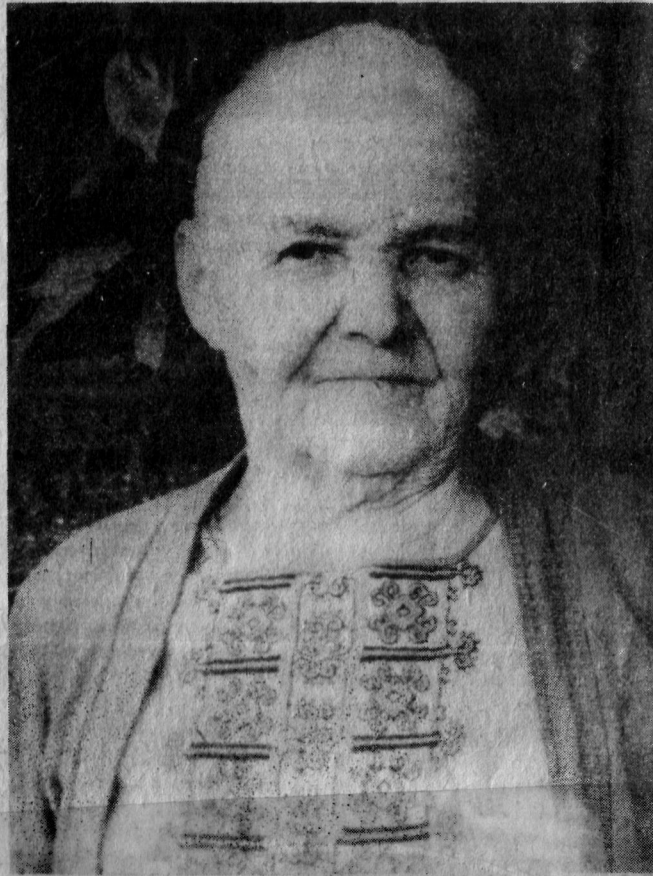
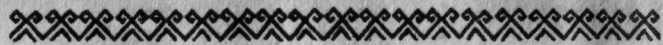
В апреле 41 года Марию Семеновну перевели из кандидатов в члены партии. И нынче ее партийный стаж составил 50 лет. Это событие реском партии отметил знаком «50 лет в КПСС». Он был вручен Марии Семеновне в скромной домашней обстановке секретарем Моркинского райкома КП РСФСР Асхатом Хатиуллиным. Он тепло поздравил Марию Семеновну за ее вклад в работу районной партийной организации, а на партийном собрании колхоза «Передовик» вручено удостоверение.

Вот такие небольшие внешние штрихи биографии Марии Семеновны до Великой Отечественной. Да и небольшие ли — двадцать лет? Эту пору, как правило, человек редко вспоминает в позднем возрасте, считая годы юности еще не очень зрелыми.

У Марии Семеновны они были фундаментально зрелыми. Крепкая деревенская девушка тянулась к знаниям, к свету, к общению с людьми. Хотелось всем помочь. Она родилась Учителем. Поэтому и пошла в партию. Тогда это была возможность большего общения с теми, кому нужна была помощь. В общей своей массе народ был безгра-

И трех лет не наберется ее семейной жизни с мужем Александром Александровичем Красновым. Также учителем, завучем Шиньшинской школы, где

ром оставались женщины, старики и дети. Опустели села и деревни. Оставшиеся работали за себя и за ушедших. Марию Семеновну пригласили рабо-

Марко манда, - 1991 -

около носа глубокие складки, выбелила волосы, оставив темными глаза и брови.

А однажды поторопилась за сеном и, поскользнувшись на лестнице, упала. С переломом ноги в трех местах, еле добралась до дома, долго лежала одна, пока не хватилась соседка. Так и прихрамывает с тех пор.

Позвоночник ей повредила корова. Буйная была в охоте и обрушила на нее передние ноги, когда хозяйка ставила ей тазик с кормом. Так и не может уже выпрямиться во всю свою былую стать Мария Семеновна.

В тот день, когда мы приехали в деревню к старейшей учительнице с приятной новостью, она собралась делать в доме генеральную уборку. Сняла занавески постирать и освежить, посушить коврики и половики. Долго стеснялась нас за это и все извинялась. Показывала, что уже часть потолков и стен протерла, осталось совсем немного.

Захлопотала с чаем, принесла прошлогоднего меду, свежей малины. Обрадовалась неожиданным гостям.

Потом наш фотограф ее сфотографировал. А когда мы остались вдвоем, разговорились немало. Вспомнила она и тридцатые, и сороковые, и пятидесятые годы. Жила спокойно, много делала и на работе, и дома. Любила партийные собрания. Тогда высокопарно выступали, прокашлявшись и одернув пиджак. Верили в светлое будущее, рай на земле, теоретиче-

В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

Страны, города, поселки, провинции, свернувшие с их прежних путей ради свободы, будут еще более поработены и затаят злость против тех, по чьей вине они потеряли свободу и веру. И тогда слева разразится великий мятеж, который приведет к еще большему, чем прежде, сдвигу вправо. Тогда будут восстановлены поруганные святыни и прежние религиозные писания, так долго терзаемые...»

Читаешь это и вздрагиваешь — так точно. Давайте посмотрим на себя в зеркало, пока единственное, что не лжет. Все остальное в жизни замешано на сочных дрожжах лжи.

Что мы увидим в этом зеркале, в наших потухших глазах? Что скрывается за резкими бороздами морщин, за нашими согнутыми коленями, во всей фигуре, напоминающей стрелки часов на циферблате будильника в положении десять минут седьмого?

Вот такой я увидела Марию Семеновну Семенову, бывшую учительницу, а теперь персональную пенсионерку, жительницу крохотной, но уютной деревеньки Сапуньжа, где она родилась и прожила в ней 74 года. Да, да, именно тот отрезок нашей истории, о котором было сказано Нострадамусом, как са-

Тогда уже стали появляться уполномоченные коллективизации. Семья Марии имела большой надел земли, ибо когда в доме появляются мальчики — им положен участок земли. Двор был полон скота и птицы. Были и луга, на которых заготавливали сено.

В колхоз идти не хотели, думали прожить своим хозяйством. В него первыми вступали самые безлошадные, типа шолоховского Кондрата Майданикова, которым нечего было терять. А те, у кого что-то имелось во дворе, как у Яковлевых, платили такую подать, от которой на всех ребятишек остались одни салогии. Налог был даже на грядки с капустой. Пришлось идти в колхоз. Но и от этого не стало легче. С каждого подворья вычищали все под веничек.

Закончив Моркинское педучилище, получив специальность учителя начальных классов, Мария пошла работать в Шиньшинскую школу. Мать, как капитан большого корабля, вела семейный экипаж через рифы и мели жизненного моря. Старшие дети помогали по хозяйству.

В тридцать девятом году, когда Марии Семеновне исполнился только двадцать один год, вступила она кандидатом в члены партии. Тогда она не называлась еще КПСС. Только на XX съезде из ЦК ВКП(б) была переиме-

мотен, обездолен, беспаспортен, то есть почти вне гражданства. И она, как могла, помогала людям.

Посмотрите на эту фотографию сегодняшней Марии Семеновны. Она не очень удачная. И все-таки. Своими не скучными, пытливыми глазами она всматривается в нас и как бы спрашивает, что же такое с нами происходит, когда мы были так жестоко обмануты (вчера, то есть шесть лет назад или семьдесят четыре года?). Почему человек стал так ничтожно мал? А ведь он велик... Почему в такой огромной свободной стране все наоборот и человек не свободен?

Мария Семеновна тоже зависима. Но она даже не удивляется этому. Не удивляется тому, что ее персональная пенсия составляет 91 рубль. После повышения цен еще шестьдесят деревянных добавили. И это при том, что у нее уже нет коровы и скотины, нет пчел. Остались гуси и куры. Нет сил держать скотину покрупнее. А в последние три месяца пенсию вообще почему-то попридержали. Сколько было передумано за это время, сколько нервов угроблено — поездках в собес и обратно. Так на что же были отданы лучшие годы жизни сельской учительницы, солдатской вдовы?..

Да, вдова, уже сорок пять лет. У Марии Семеновны все хорошее исчисляется в граммах. Даже супружеское счастье.

она начинала работать учительницей начальных классов.

Не успев обзавестись общим хозяйством, в июне сорокового года Александр Александрович уходит служить в солдаты на западную границу. В своих письмах он намеками дает лонять своей жене, что не все ладно здесь. Да и военная цензура позволяла писать лишь бытовые мелочи службы солдатской. И трудно было понять в далекой мирной деревушке надвигающуюся с запада беду.

И только 22 июня сорок первого года, когда она весело шагала в праздничной колонне демонстрантов по украшенной столице ее родной республики — Йошкар-Оле, отмечающей двадцатилетний юбилей образования, стало понятно, о чем иногда проскальзывало в письмах Александра. И эти страницы истории нашей страны и истории жизни Марии Семеновны — особые. С этого дня и в последующие годы мужчины уходили на войну. Уходили и не возвращались. Только сегодня, через десятилетия, они приходят к нам такими же молодыми, какими ушли, не состарившимися, на страницах книги «Память», которая должна выйти к пятидесятилетнему юбилею Великой Победы. Сейчас она по крупицам собирается энтузиастами района.

Мужчины уходили защищать свой дом, в кото-

тате в райком партии инструктором. Вместе с Дарьей Филипповной Филипповой они жили на квартире в Морках. Пешком исходили весь район. Спешили всегда туда, где туго, где была нужна их помощь.

Стали приходиться похоронки. Была написана ими гора писем на фронт. Женщины диктовали им слова утешения, поддержки. Рассказывали о своем житье-бытье. Собирали посылки.

Деревня пахала, сеяла, косила, убирала урожай. Как-то кормилась. Подсчитывали потери. Передела семья Марии Семеновны. Братья тоже ушли воевать.

Вернулась в школу Мария Семеновна, не пошла дальше по номенклатурной должности. Считала что в деревне нужнее. В конце войны весь израненный вернулся из госпиталя муж. И в сорок шестом году она похоронила его. Остался после него эта незарастающая тропинка на кладбище, да еще сын Леонид.

Потом семья пополнилась еще двумя детьми — Валерием и Риммой, оставшимися от брата. Воспитала всех, помогла получить им образование и специальности. Но...

Но по-прежнему одна в доме. Когда-то стройную зрительную Марию жизнь изрисовала и перелепила по-своему. Мягкими штрихами нанесла морщинки, заложила

земле, теоретиче- обсонованными классиками марксизма-ленинизма и подтвержденный в решениях съездов, пленумов постановлений партии, — коммунизм.

Глядя в лучезарную даль впереди, старались поверить в него. Друг другу в глаза старались не глядеть, потому что в них скрывалось неверие. Эрозия подгнивающего общества уходила в его корни. Специалисты по идеологическому обеспечению уже не успевали маскировать открывающиеся раны. Кончался елей.

Раньше пугали, что отберут партбилет. Мария Семеновна помнит это. За билет боролись. Он был тем золотым ключиком, который открывал двери вверх, к должности. Шла рокировка власти, переставлялись кресла из одного здания в другое, пересаживались из жесткого — в мягкое.

Тридцать девять лет стаж работы, пятьдесят — в КПСС скромным рядовым коммунистом. И в итоге — 91 рубль в месяц. Да еще груда грамот, благодарностей, наград из металла. Как говорится, моральное поощрение.

... Я уезжала из деревни Сапуньжа, оглядываясь на вышедшую провожать нас Марию Семеновну, и думала, как же она со своим пораненным позвоночником полезет на табуретку, чтобы мыть потолок и стены... А вдруг опять упадет, ведь семьдесят четыре года — не поле перейти. Тамара ТЕЛЕЖНИКОВА